

ПОСЛЕДНИЙ ИНЖЕНЕР

Война всех
против всех...

ЕВГЕНИЯ МЕЛЕМИНА

Евгения Мелемина

Последний Инженер

«АСТ»

2014

Мелемина Е.

Последний Инженер / Е. Мелемина — «АСТ», 2014

Люди пережили эпоху Мертвых – эпоху загадочных машин, отнимающих человеческие души. Люди пережили эпоху Конструкта – эпоху полного контроля над разумом и эмоциями. Люди пережили эпоху Биоинженерии – эпоху бессмертия, закончившуюся губительным для планеты перенаселением. Переживут ли люди войну Последних Инженеров – пастырей ушедших в прошлое великих технологических эпох?

© Мелемина Е., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Мелемина Последний Инженер

© Мелемина Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Скоростной поезд сошел с рельсов на участке пути между Балежной и Новатой. Оба города числились в списке мертвых и были окружены давно нехоженными лесами. Карта сообщала, что дорога сохранилась и шла параллельно железнодорожным путям.

Полицейский, встреченный на последнем перекрестке, об аварии уже знал и на вопрос Караги о дороге ответил:

– Если поваленных деревьев нет, проедете. – Глянув внутрь салона джипа, он укоризненно заметил: – Девоч катаешь.

Юга высунулась из-за плеча Караги и смущенно улыbnулась.

– Скройся, – сухо сказал ей Карага, а офицеру пояснил: – Это коллега.

Форма висела на Юге мешком – на нее на складе не нашлось нужного размера, и оттого она выглядела, как ребенок, решивший поиграть в спасателя.

Балежня промелькнула первой: плотный городской сектор типовой коробочной застройки, совершенно пустой, без единого яркого пятна. Прокатился и заброшенный пригород ослепшими домами, заборами из выгнутой парусом сетки, дощатыми и – редко – железными и ржавыми. Одна из улиц звалась Центральная, а вокруг стоял лиственный лес, наступающий на проросшие жидким выюном огороды.

– В Новате еще хуже, – сказала Юга, с любопытством разглядывая безжизненные пейзажи. – Почему люди отсюда ушли, как ты думаешь?

– Потому что здесь поселилось чудовище по имени Как-Ты-Думаешь и дожаривалось к ним с этим дурацким вопросом.

Юга слегка улыbnулась и снова прижалась к стеклу.

Балежня быстро осталась позади. Дорога, обещанная картой, оказалась разбитой, в язвах глубоких ям. Спасательный внедорожник «Тереза» то нырял носом вниз, то задира зад, будто карета, решившая прокатиться по танкодрому.

– Два часа катимся, – вздохнула Юга.

– На трупы приедем, – согласился Карага, сдерживая зевоту. – Налей мне кофе.

Юга перегнулась через сиденья и вытащила большой термос, разрисованный яркими цветами. Отвинтив крышечку, она налила в нее кофе, сделала вид, что смакует первый глоток, и только после этого передала Караге.

– Корица, – сказала она, – нравится корица?

Карага неопределенно помотал головой. Он внимательно смотрел по сторонам в поисках поворота и на корицу внимания не обратил.

– Через пару километров подзарядишь меня и будешь ждать.

– Я останусь в машине? – расстроилась Юга.

– Останешься. Будешь кофе допивать, а я пойду разгребать железо.

– Жаль, – с тоской сказала Юга. – Смотри, белочка!

– Белочка-стрелочка...

Затрещала старая рация. Через помехи и вой донесся голос:

– Семерка! Вы где?

– Почти на месте, – отозвался Карага, прижимая рацию к губам. – Что там?

– Каша.

Карага остановил машину и повернулся к Юге.

– Разряд.

Она протянула руки, обеими ладонями взялась за его виски и прикрыла глаза. На мгновение запахло озоном, проскользнула голубая искра, и Карага стиснул зубы от острой боли.

Привычная боль от запуска энергообмена между живыми тканями и имплантами, с которой ничего не поделаешь, пока в организме есть хотя бы пара килограммов живого мяса.

– Хорр-рошо, – пробормотал Карага, как ныряльщик-морж, выбравшийся из проруби. Его потряхивало, синие блики блуждали под кожей, коротко стриженный ежик седых волос встал дыбом. Он остановил «Терезу» на обочине и вышел.

– Оставайся тут, – приказал он Юге. – На солнце не задерживайся – перегреешься.

Солнце добралось до высшей точки и раскалило асфальт, но в лесу было сыrovато, прохладно. Малинник стоял влажным, трава тоже, и только березовые шелковые стволы сияли сухо и холодно.

Вдалеке затрещал вертолет, и Карага отправился на звук. Поначалу, пока его еще можно было видеть с дороги, он шел уверенно, но медленно. Как только дорога исчезла вместе с запыленным джипом и Югой, выбравшейся собирать ягоды в свернутый кулечком газетный лист, Карага перешел на быстрый неутомимый бег. Для него мир оставался статичен даже на большой скорости: картина сменяла другую, не сливаясь и не искажаясь, а для случайного свидетеля сам Карага показался бы размытым пятном, мчащимся с нечеловеческой скоростью.

Пару веков назад возникла бы легенда о лесном страшном существе, а сейчас любой турист схватится за трубку и взволнованно доложит: по лесу шляется меха. Да, точно меха. В лесу под Балежней. Приезжайте срочно.

И выехали бы пять опасных и бронированных по самые зеркала «Колоссов», а в них – сумрачные бригады с поставленными между колен автоматическими разрядниками «Фокус», способными превратить накачанного энергией Карагу в грудку металлолома, облепленного дымящимся мясом.

Такой риск существовал всегда. Отправляясь на место катастрофы, Карага всегда держал в голове мысль, что этот выезд может стать последним. Он не доверял людям, не доверял даже Берту, который сам обратился к нему за помощью десять лет назад, а теперь ждал его на месте крушения скоростного поезда Столишня – Карвардцы.

Спасательная бригада Берта состояла из пятидесяти человек, и среди них мог найтись тот, кто в один прекрасный день решит, что получать помощь от меха – несовместимо с чувством человеческого достоинства, и тогда Берту придется сдать Карагу из соображений собственной безопасности.

Юга знает, что делать в таком случае: она должна будет спрятаться, а потом вернуться к Кали с докладом, мол, так и так, лишились вы, Бензиновая Матушка, своего героя, погиб во цвете лет, матерясь и скрипя зубами.

Кали вычеркнет имя Караги из своей памяти, вычеркнет всю его историю, судьбу и данные – она экономит место на своих жестких дисках. Так и закончится их любовь.

Солнечный блик остановил Карагу. Пробившееся сквозь чашу небо безмятежно синело, земля пошла под уклон, и лес закончился, перебитый напополам стальными рельсами. Рельсы выходили из-за поворота, тянулись ровными нитями, но обрывались, чудовищным напряжением выдернутые и приподнятые, как будто намеревались отправить поезд ввысь, как кабинку развлекательного аттракциона.

Насыпь разметало с такой силой, что щебень застрял в стволах ближайших деревьев. Несколько берез вывернуло из земли, и они повалились на траву.

Поезд лежал на боку. Хвост улегся ровно, будто собрался отдохнуть, а середину закрутило в тугую жгут, три вагона сплелись в едином порыве, головная часть сплющилась гармошкой. Кое-где блестело целое стекло, но остальные рассыпались мелким крошевом. Надпись «Столишня – Карвардцы» превратилась в «шня – Кар», буквы и номера рассыпались детской азбукой.

Запах горячего металла, пыли и особый запах – запах большой катастрофы, ни с чем не сравнимый и неопиcуемый, предвещал гору трупов.

Они уже были – множество их, наспех прикрытых мятыми пледами, цветными полотенцами и покрывалами, в рядок лежали на солнышке, и вокруг них бродил с электронным блоком спасатель из бригады Берта.

Медики из Балежни сосредоточенно возились вокруг тех, кому повезло больше, везунчики тоже лежали кто на травке, кто на брезентовых носилках, и их спешно обвязывали, фиксировали, чтобы погрузить в вертолеты, болтающиеся над местом крушения.

Вертолетов было два, оба в оранжевых цветах спасательной службы. Военные то ли еще не добрались, то ли попросту махнули рукой – они редко оказывали помощь в делах такого рода, по горло занятые вопросом безопасности людей от бездомных, меха, анаробов и черта лысого.

Первыми отреагировали собаки. Они, вынюхивающие живое под завалами, разом повернули морды к Караге и затаивали на разные лады. Гигант сенбернар Ухо – басом и подвывая, шотландка Келли – протяжно и мелодично.

Обрадовался только Пират – пес без роду-племени, неясного пола и вида, лохматый черный бес, лишившийся глаза в пучине своего темного собачьего прошлого.

Он разулыбался, высунув красный флажок языка.

– Работай, – с симпатией сказал ему Карага и спустился с насыпи, притормаживая обеими ногами, – щебень рассыпался и катился вниз, защитная сетка, удерживающая его на склоне, была сорвана и висела на какой-то осинке.

Карага прошел вдоль девятого вагона, рассматривая повреждения и пытаясь заглянуть в окна. Тщетно – почти все они были загромождены сорванными сиденьями, чемоданами, полками и прочим хламом. В одном окошке вместе с хламом и креслами показалась оторванная рука с черными продольными полосками на белой вялой ладони.

Вряд ли ее владелец был жив, но проверить стоило, и Карага взялся пальцами за раскаленный солнцем металл. Легонько нажав, он смял его, как мокрую бумагу, отвел в сторону целый пласт толстой обшивки, и та поддалась с оглушительным визгом.

В образовавшуюся дыру вывалилась клетчатая сумка, начищенный ботинок и какой-то кабель, впрочем, без единой искры.

Отбросив все это в сторону, Карага пригнулся и пролез в вагон. Внутри все напоминало о смерче из старой сказки, том самом, который унес в волшебную страну домик с девочкой и ее песиком.

Все, что могло быть сломано, было сломано, все, что не могло быть сломано, было измято, скомкано, как в припадке ненависти комкают и сминают любовные письма.

Как всегда в таких случаях, обычные вещи превратились в немой укор: зонтик без ручки, растрепанная записная книжка, телефонная трубка с застрявшей в ней пластиковой щепой, кофейная чашечка с трещиной.

Вещи в растерянности, люди мертвы или обречены на смерть, – так всегда бывает, и странно то, что внутри, в эпицентре крушения, всегда стоит тишина. Голоса, лай собак, визг инструментов, стрекот вертолетов – все остается снаружи, а здесь всегда тихо.

Или это иллюзия, майя, оберегающая рассудок, и без того переполненный впечатлениями и ощущениями?

Карага считал всех тех, кто говорил, что эта работа давно стала привычной, лжецами или, по меньшей мере, идиотами. Сам он никак не мог привыкнуть к тому, что любой порядок находится в таком хрупком равновесии с реальностью, что за секунду может превратиться в хаос.

Не мог привыкнуть к тому, что нигде нет безопасности, нигде нет места, в которое не могла бы добраться смерть с вечным своим спутником – разрушением.

В девятом вагоне поднявшийся вверх рельс пробил пол, снес пассажирские кресла и протаранил потолок. Получилось что-то вроде канапе – слой за слоем на стальной шпалке. Снять вагон с рельса можно было, только распилив его на куски. Карага подумал и решил, что займется этим позже, сейчас его интересовали люди. За время работы спасателем он выработал особое чутье: мертвые не оставляют никакого ощущения, а живые будоражат и тревожат.

Караге было тревожно. Он боялся опоздать и потому внимательно и аккуратно осматривал каждый метр пространства, не обращая внимания на неподвижные тела, от которых не исходило никакого импульса.

Он нашел то, что искал. Под изогнутой стальной полосой, вбитый под нее нечеловеческой силой, лежал парень лет двадцати. Бледный, с посиневшими губами, он казался бы трупом, но широко раскрытые глаза блестели, а из придавленной рельсом руки текла кровь.

Карага присел на корточки, вынул из кармана рацию и сказал:

– Берт, пришли мне в девятый толкового медика.

– Ты уже на месте? – через несколько секунд откликнулся Берт.

– Работаю.

– Отправляю Энджи.

Карага убрал рацию, нагнулся еще ниже и присмотрелся. Прямо за парнем, в углу, в нелепой и страшной позе лежал еще один человек, и лысая его голова была похожа на блестящий и влажный шар для боулинга.

Воротничок его рубашки и сама рубашка вымокли насквозь, разбухли. Этот человек находился на пороге смерти и дышал лишь по странной и отчаянной прихоти организма.

Добраться до него было невозможно. Карага попробовал просунуть руку, но натолкнулся на препятствие – потревоженный парень тихо застонал.

– Ага, – сказал Карага и попробовал рельс на прочность.

Его можно было поднять, но не более чем на двадцать сантиметров, иначе следом потянется весь разваливающийся вагон, и неизвестно, к чему это приведет.

– Слышишь меня? – спросил Карага у парня.

Тот прикрыл глаза.

– Молодец. Слушай внимательно. На твоей руке валяется здоровенная железка, и я смогу ее приподнять, но, чтобы освободить тебя полностью, нужно время. Это время есть у тебя, но его нет у того типа, который валяется прямо за тобой. Сейчас сюда придет медик, и ей придется проползти по тебе, чтобы спасти лысого. Что скажешь?

Парень снова открыл глаза, облизнул пересохшие губы.

– Ты точно выживешь, – пообещал Карага. – Позволь выжить и ему. Потерпи. Потерпишь? Будет очень больно, но хуже и так некуда, так что... Ну?

– Да, – сказал парень надтреснутым голосом.

Карага кивнул.

– Я знал, что ты молодец. У тебя на лице написано: я славный чувак и готов позволить докторше прыгать на моих переломанных руках ради мужика, которого я знать не знаю...

– Прекрати, – гневно сказала Энджи.

Она появилась почти бесшумно и так и продолжила бы работать в полной тишине, потому что не любила Карагу, но, услышав его напутствие, не удержалась.

– Уже прекратил, – согласился Карага и отодвинулся. – Еще пожелания?

– Сделай что-нибудь, чтобы я туда пролезла.

Караге удалось отогнуть рельс ровно на те двадцать сантиметров, на которые он рассчитывал. Содрогнулся весь вагон, посыпалась какая-то пластиковая мелочь, загудел в напряжении пол, и без того вспоротый и продолжающий разламываться на части.

– Это все, – сказал Карага. – Дерну хоть на сантиметр дальше – все это развалится к чертям, и эти двое умрут.

Парень с блестящими глазами выгнулся и взвыл. Вес, снятый с его плеча, высвободил заряд боли от десятка осколков кости, впившихся в мякоть мышц.

Теперь он с ужасом смотрел на ту часть рельса, которая осталась лежать на предплечье и ладони.

– Я сделаю укол, – строго сказала Энджи. На парня она почти не смотрела, уставившись в угол с медленно угасающим лысым, – но все равно будет неприятно. Готов?

– Неприятно, – хмыкнул Карага, – скажи сразу: тысяча гнилых зубов заболят одновременно и по всему телу! Наш милый героический доброволец, ты должен это знать.

– Ублюдок, – фыркнула Энджи, всаживая иглу в плечо парня.

– А ты дура, – сказал Карага.

– Пошел вон отсюда.

Карага пожал плечами. Его дело сделано, почему бы и не уйти? На очереди еще два десятка вагонов, и все их нужно обойти как можно быстрее.

– Позовешь, когда можно будет убрать рельс.

Он развернулся и выбрался из вагона, а вслед ему полетел режущий, страшный крик человека, по сломанной руке которого поползла увесистая тетка-медик с чемоданом капельниц и шприцев.

Дальше все пошло по накатанной. Карага примкнул к команде, работавшей в десятом вагоне, потом перешел в одиннадцатый и дальше, и везде он выполнял работу, которую обычно выполняли с помощью электрических пил, резаков и домкратов: поднимал, освобождал, разрывал, пробивал.

Трупов становилось все больше, но найдены были и выжившие – девушка с раздавленной грудной клеткой, пожилой господин с рваной раной в боку, перепуганный мальчик, отделавшийся синяками, и даже кошка, истощно мяукавшая в клетчатой переноске.

Медики растаскивали пострадавших, вертолеты взмывали в небо, уходили и возвращались снова, и их стало четыре, а не два, Столишня все-таки прислала подкрепление, хоть и запоздало.

Карага бок о бок работал с людьми, но перекинулся с ними только парой слов. Все они придерживались широко известного мнения: все беды на Земле произошли из-за меха, и страшное перенаселение, чуть не погубившее планету, тоже. Карагу терпели, понимая, что его способности грех не использовать в таком важном деле, как работа спасателя, но терпели еле-еле, и потому обстановка всегда была напряженная.

Один только Берт относился к Караге проще, чем остальные, но и он никогда не связывался с ним вне выездов.

Ничего личного.

К семи часам пополудни Карага начал уставать. Он то и дело обращался внутрь себя и поглядывал на показатели заряда батареи. Энергия держалась почти на нуле. Можно было использовать аварийные энергосберегатели, но Карага не любил тратить резервы. Мало ли что может случиться...

Разгребая мусор в головном вагоне, сплюсненном в гармошку, он снял с петель дверь в кабину машиниста и проник внутрь, боком, расцарапывая руки и плечи. Машиниста и его помощника уже вынесли – одними из первых, через разбитое окно. Остались только лужица крови на приборной панели и прилипший к ней же клочок темных волос.

Машинист погиб моментально, а помощника эвакуировали первым вертолетом, и теперь его жизнь была в руках пары опытных медиков и одного перепуганного интерна.

В кабине не могло быть ничего интересного, и Карага заглянул сюда только для того, чтобы пробить удобный вход бригаде экспертов.

Абсолютно ничего... кроме, пожалуй, стального цвета осколков-спиц, не похожих ни на деталь обшивки, ни на часть оборудования. Пучок согнутых стальных спиц, оплавленных на концах. Кусок мышечного волокна меха или анароба.

Такой кусок могло выбить из тела меха метким выстрелом в упор. Карага нагнулся, поискал оружие и нашел. Прямо под приборной панелью, рядом с тугой педалью, называемой «кнопкой мертвеца», лежал пятизарядный «Комар».

Он был цел и невредим и потерял только один разряд.

– Мать твою перековать, – задумчиво сказал Карага, запихивая кусок мышечного волокна в один карман, а пистолет – в другой.

Он внимательно осмотрел кабину, но не нашел больше ничего, что могло бы указать на участие меха в случившейся катастрофе, но знал, что эксперты найдут – если причина не выяснится сразу, они проанализируют все и найдут пыль, крошки, невидимые глазу, и докопаются до правды.

Карага подумал и снова полез под панель, и там прижал «кнопку мертвеца» древком пластикового сигнального флажка, валяющегося рядом.

Теперь каждый решит, что машинист, устав постоянно нажимать кнопку и сигнализировать машине о том, что жив-здоров, обманул ее, установив искусственное давление на педаль.

Все бы ничего, многие так делают, но именно этому машинисту не повезло – его хватил удар или от духоты ускользнуло сознание, а поезд, не заметив утраты, продолжал набирать скорость на опасном повороте.

Именно так и решит экспертная бригада и отпразднует удачное завершение расследования. Кто-то получит по шее, всех машинистов проверят и найдут в их кабинах так же хитро установленные сигнальные флажки, начнется кутерьма, и правды за ней не разглядит никто. Правду Карага утащит с собой в виде куска волокон и «Комара», а Кали с ней, этой правдой, разберется по-свойски...

Карага выбрался из вагона. Теперь он внимательно наблюдал за всеми, кто работает на крушении. Нет ли кого лишнего? Нет ли кого, кто с особым интересом посматривает на него, Карагу?

Сколько он ни пытался найти что-то необычное, оно не показывалось и, видимо, ускользнуло отсюда давным-давно.

У медиков поубавилось работы, небо стало темнее, солнце пекло уже не так настырно.

Находки жгли Карагу через ткань спасательной формы. Лавируя между кусков металла, носилок, установок с электрическими резаками и прочим хламом, Карага добрался до Берта и сказал:

– Моя работа закончена, Берт, я на нуле.

– Уже? – спросил Берт, откидывая с лица пластиковое забрало шлема. Его загорелое лицо было утомленным, в уголках глаз скопились глубокие морщины. – А где твоя зарядка?

– В машине оставил, – нетерпеливо ответил Карага. – Берегу девочку.

Берт пожал плечом.

– До сих пор ждешь подвоха?

– Да, да, – пробормотал Карага, – я знаю. Если ты решишь меня подставить, то просто вызовешь «Шершней» в мою берлогу на Традиционной.

– Только ты там не живешь, – хмыкнул Берт.

Карага вскинул на него глаза и подумал, что сотрудничество, может быть, несколько затянулось.

– Деньги будут на прежнем месте, – добавил Берт. – Не волнуйся, Крэйт, ты нам нужен позарез, и никуда мы от этого не денемся. Сам знаешь: в последнее время катастрофа за катастрофой.

Карага знал. За последние три месяца случилось столько, что сложно было поверить. Рухнул мост над рекой, прихватив с собой два десятка машин и восемнадцать душ. На подлете к аэропорту Шишково пилот борта 734 «Авиа-феи» сбрендил, описал дикую дугу и свалил самолет на ангары, похоронив там более ста человек.

На окраине Кревтени сгорел развлекательный комплекс «Сандра», не оставив после себя точного числа жертв – половина из них до сих пор медленно угасала в ожоговых центрах.

Теперь вот – скоростной поезд.

Катастрофы словно решили устроить семейный пикничок и собрались в одном месте и в одно время. До сегодняшней находки Карага не придавал этому особого значения, а теперь вдруг понял: все это могло быть взаимосвязано, и чудом можно считать то, что до сих пор никто не уловил связи...

– Подойди к Энджи, – сказал на прощание Берт. – Она неделю возит с собой какой-то особенный чай для Юги. С лепестками подсолнечника, что ли...

– Некогда, – сказал Карага, махнул рукой и полез на насыпь.

Ожидая Карагу, Юга не сидела на месте, а обошла все ближайшие малинники и набрала целый кулек ароматных лесных ягод. Ягоды эти нужно было высушить и добавить к крепкому черному чаю, придав ему неповторимый малиновый аромат.

Ягоды Юга положила на панель, где они матово мерцали розовым нежным светом, пронизанные солнечными лучами заходящего солнца.

– Еда, – одобрил Карага, забираясь в машину. – Сто лет не жрал. Главное, не отравиться.

Он запустил руку в бумажный пакет, зачерпнул малину огромной ладонью и отправил в рот.

– Шмотки мои готовы? – спросил он, заводя машину.

– Да, – сказала Юга. – Как все прошло?

– Мимо прошло. Слушай сюда и запоминай: у Стрелицы высадишь меня, а сама помечнешь машину и поскачешь галопом... дай-ка сюда эту бумажку...

Он вытащил из кармана найденные волокна и пистолет и завернул их в смятую газету, слегка запачканную малиновым соком.

– Топаешь напрямик к Эвилу, отдаешь ему это.

– Что это?

– Отличный вопрос, но у тебя мозгов не хватит разобраться в ответе. Просто передашь ему сверток и доложишь, что найдено это на месте крушения поезда Столишня – Карвардцы.

– Прямо к Эвилу?

Карага покосился на нее:

– Не тупи.

Юга умолкла и зашевелилась только перед самой Стрелицей, доставая с задних сидений туго связанный пакет с вещами: вручную выстиранным защитного цвета свитером, джинсами и носками.

Сам Карага носки менять бы не стал, но Юга придерживалась мнения, что чистым и свежим должно быть все, и с радостью добавила бы в пакет и новые трусы, но стеснялась.

На окраине Стрелицы, района старых промышленных зданий, полуразрушенных и битком набитых бездомными, Карага переоделся, зайдя за машину. Юга старательно делала вид, что не смотрит, хотя ей очень хотелось посмотреть во все глаза: огромное, массивное тело Караги притягивало, как притягивал бы взгляд новенький авианосец или ракетная установка.

Эта мощь отличала армс-меха от остальных и до сих пор бросалась в глаза, хотя теперь считалась заслугой спортзалов.

Во время Великого меха-уничтожения армс-меха уничтожали первыми, и так тщательно, что вряд ли кто из ныне живущих поверил бы в то, что остался в живых хоть один экземпляр.

Карага был подозрителен и обладал особым чутьем, его прикончить не удалось. Он исчез из поля зрения наблюдателей, сменил имя, документы и место проживания и залег на дно.

Тогда он еще считал, что временное безумие пройдет и можно будет вернуться на прежние позиции.

Ничего не прошло. Общество раз и навсегда отказалось от реконструированных в лабораториях людей.

Шли годы, и Караге стало казаться, что он остался последним, как гигантский потомок динозавра, доживший до настоящих времен на дне ледяного глубокого озера и недоумевающий, куда делись все остальные.

Его грызла скука, и была даже попытка самоубийства, ничем не завершившаяся – встроенный аварийный модуль за шесть часов залатал повреждения, Карага восстал из мертвых и пошел за пивом.

Зарядное устройство Караги издохло от сложной вирусной инфекции. Это значило, что впереди десятки лет муторной человеческой жизни. Иметь бессмертие в человеческом теле – занятная идея. Заслуживающая критики, но занятная. Иметь бессмертие в теле меха с пустой батареей – то же самое, что тысячи лет шататься по планете и водить за собой тысячи голодных, наглых и разозленных существ, требующих манны небесной.

Карага настроился на худшее, и именно в это время к нему заявился Эвил. Расположившись в его гостиной, он представился и тут же перешел к делу.

– Обстоятельства таковы, что нас осталось очень мало, – сказал он. – Увы. Думаю, вы понимаете пользу плодотворного сотрудничества.

– Мне нужна новая зарядка. Обеспечите?

– У нас есть такая возможность, – согласился Эвил и подал Караге узкую холодную ладонь. – Я очень рад, что вы готовы войти в нашу своеобразную коалицию.

Карага вошел в «коалицию» и получил новое зарядное устройство – хрупкую маленькую Югу.

* * *

Забрав пакет и ключи от машины, Юга помахала вслед Караге и поплелась к входу в подземную Сеть. Нужно было перебраться на ветку Столишни, найти там припаркованную «Пчелу» и отправиться к Эвилу.

Юга побрела прочь, прижимая пакет к груди и беспокоясь, хватит ли Караге заряда до следующего дня. Если он будет вести себя спокойно и ни во что не ввяжется – хватит, если вдруг что-то случится – не хватит...

Карага не попросил разряда, а предложить сама Юга побоялась, не желая портить и без того плохое настроение напарника.

О себе она не позаботилась. Не взяла сменной одежды и ничего из еды. Пришлось накинуть длинный бесформенный плащ-дождевик и им прикрыть спасательную форму.

Она шла и шептала бесконечную считалку:

– А за деревом дерево, а за деревом куст, а за кустом опять дерево, а за деревом дерево, а за деревом дерево, а за деревом куст. А за кустом опять дерево...

Перед встречей с Эвилом Юга всегда робела.

Бормоча про себя, она добралась до входа в подземку и обнаружила кругом людей – они медленно стекались вниз, черно-серой рекой уходя в быстрые сверкающие поезда.

Мало кто обращал внимание на крошечную девушку в темном плаще и с газетным свертком в руках. Югу редко замечали, и в этом были ее беда и преимущество. Преимущество потому, что ей можно было поручать важные задания без опаски привлечь внимание, а беда потому, что ее постоянно толкали, затирали и сдавливали, как маленькое животное, попавшее на пути табуна лошадей.

Запрятавшись в дальнем углу переполненного вагона, Юга неожиданно успокоилась и с гордостью подумала о том, что несет что-то действительно важное, что-то, о чем Карага предпочел умолчать, а значит, он действительно ей доверяет.

Во всех выгнутых окнах вагона подземного поезда ей мерещился Карага.

* * *

Карага пошел другим путем. Миновав освещенные улицы с офисами детективных контор, в которых обычно обретались бессменная секретарша с запахом плохих духов, сигаретный дым и мастер слежки, страдающий с перепоя, он свернул на пустырь, утыканный арматурой от ушедшего в землю фундамента.

На всем вокруг лежали лиловые отблески гигантской Спирали, и земля под ногами тоже слегка светилась: кольца Спирали напитывались энергией глубоко под ней.

На другом конце пустыря виднелось серое приземистое здание полицейского участка. Возле него припаркованы были черно-синие «Колоссы», пахнущие пылью и синтетической нефтью.

Карага обошел «Колоссов» с уважением. Ему давно хотелось приобрести такую машину, но разъезжать на авто военно-государственного образца было бы самоубийственной затеей. Приходилось восхищаться издали.

Пройдя плохо освещенный коридор, Карага кивнул дежурному, поедающему бутерброд с колбасой, и натолкнулся на спешащего навстречу Джерри, а тот сразу расплылся в улыбке и показательно позвенел ключами.

– Пойдем, пойдем, Крэйт, – сказал он. – Много вкусного тебе припас...

Он поспешно побежал вниз по лестнице, ведущей в подвал, и там начал греметь решетками и задвижками.

Карага спустился следом, подождал, пока распахнутся ржавые двери, и вошел пригнувшись.

В подвале было сыро и пахло землей. Погреб, а не подвал. Несколько ламп в жестяных плафонах, деревянный стол с бумагами, за которым дремал сержант с перебитым носом.

– Выйди, – сказал Джерри сержанту.

Тот моментально проснулся, подпрыгнул и исчез в боковой двери.

– Ну-с, – провозгласил Джерри, бросая ключи на стол и обводя рукой помещение, – выбирай. Созрели ягодки, пришел садовник...

Карага заглянул за решетки.

– Ну и урожай, – сказал он скептически.

– А чем плох? – удивился Джерри. – Красивые девки. Раньше были сплошь крысы помойные, а сейчас – принцессы! Моются!

– В том-то и проблема, что моются, – проговорил Карага, разглядывая двух женщин, смиренно сидящих на лавке за прутьями камеры. Одна, огненно-рыжая, осмелилась поднять глаза и даже усмехнулась. Вторая безразлично жевала жвачку и почесывала ногу. – Смысл хобби, Джерри, в том, что ты остолоп, не приносящий пользы обществу и семье, вдруг становишься воспитателем, наставником, богом и жрецом одновременно. Жрец и бог должен усмирять, карать, учить и воодушевлять. В этом и есть интерес, и раньше дамочки под него подходили – было что ломать, было что приручать. А теперь что? Новое поколение, Джерри, они

хотят вкусно жрать и сладко спать и наводят блеск ради того, чтобы им это обеспечили. Могут поспорить, что ты за этой парочкой не особо гонялся, а взял тепленькими с какой-нибудь парковой скамейки.

– Почти, – настороженно отозвался Джерри. – Что, ни одна не подойдет? Сливать?

– Сам посмотри, – пригласил Карага, постучал ладонью по прутьям и повысил голос: – Дамы, пороться будем?

Рыжая плотоядно улыбнулась, вторая перестала чесать ногу и выдула розовый сладкий шарик из своей жвачки. Шарик лопнул, она медленно облизала губы.

– Я не сексист, но в жизни не видел ни одной толковой бабы, – сказал Карага. – А эти так просто эталон тупости. Пнешь такую – полетит и спасибо скажет. Верно, милая?

Рыжая весело ему подмигнула.

– Вот. Мы друг друга поняли.

– Так они все сейчас такие, – расстроился Джерри, – мне что теперь, лавочку прикрывать?

– Ты узко мыслишь. Узко мыслишь, зато спишь крепко... ты зачем одних баб вылавливаешь? Думаешь, хобби на койке построено? Неправда. Смысл не в том...

– Парни тоже есть, – вдруг воодушевился Джерри, но на Карагу посмотрел укоризненно. – Есть, есть... вон, в пятой сидит.

Карага повернулся и подошел к крайней камере.

– Ага, – сказал он. – Интересно.

В пятой камере на полу, возле сломанной надвое старой скамьи, сидел подросток лет шестнадцати-семнадцати. Возраст бездомных определить обычно было сложно, но он явно уже оставил позади несчастное детство и еще не дошел до того возраста, в котором уличная шваль зарабатывает цирроз печени.

Первое, что бросилось Караге в глаза, – шрамы. Даже при тусклом подвальном освещении было видно, что парень жил настолько весело, что пару раз пытался прекратить веселье и отправиться в лучший мир.

Руки его были похожи на спущенную ткань портьер – порез за порезом, густо, беспощадно насаженные на каждом свободном сантиметре кожи. Были и другие шрамы – у виска, на скуле, на шее. Шрам на шее явственно указывал на то, что парню кто-то настойчиво желал отрезать голову, но либо не рассчитал, либо не успел.

Одет он был по странной моде, популярной во дворах и переулках Стрелицы: в джинсы, вытертые на коленях до состояния паутины, мягкую куртку из паршивого кожаменителя, высокие ботинки с резным протектором. На запястьях красовались татуировки-браслеты: изображение черных цепей.

Карага знал множество значений уличных татуировок, но о цепях если и помнил что-то, то очень смутно.

– Сюда иди, – позвал он парня, но тот не шелохнулся.

– Он то ли глухой, то ли немой, – поделился Джерри. – Не умеет разговаривать.

– Все он умеет. Дай печеньку.

Джерри вернулся к столу дежурного, отодвинул пару ящиков и нашел среди бумаг и скрепок пакетик с вафлями.

Одну он тут же надкусил, а другую протянул Караге. Карага просунул вафлю сквозь решетку.

– Кушать, иди кушать. На, на. Не отравлю, не бойся. Видишь, капитан жрет и не кашляет. Иди, иди, не бойся... – подбадривал Карага. – Мы с тобой найдем общий язык... вот так, еще пару шагов. Тебя нужно отмыть, воняешь. Джерри, открой-ка решетку.

Джерри недоверчиво посмотрел сначала на Карагу, потом на парня, подобравшегося слишком близко, но замок отомкнул и отошел в сторону, держа наготове полицейскую дубинку.

– А нам, командир? – донесся голос рыжей. – Нам тоже сладенького хочется!

– Тихо! – рявкнул Джерри, и эхо не успело затихнуть, а Карага пошатнулся и сделал два быстрых шага назад – парень выскользнул из камеры, высоко подпрыгнул и обхватил его руками и ногами, а зубами с видимым удовольствием впился Караге в лицо: Джерри со страху показалось, что прямо в глаз.

– Сучонок! – удивился Джерри и замолотил дубинкой, стараясь не попасть по Караге.

Парень держался цепко, несмотря ни на что. Он тяжело дышал, всхрипывал от боли, но задался целью повалить Карагу и мрачно вгрызался в его щеку. Потекла густая кровь, быстрыми струйками спускаясь по шее к вороту зеленого свитера.

– Слезай! – заорал Джерри. – Убью, тварь!

Размахнувшись, он врезал дубинкой в висок парня, и тот моментально разжал руки, откинулся назад и грохнулся о цементный пол с таким звуком, с каким сталкиваются бильярдные шары.

Карага прислонился к стене, прижал ладонь к лицу.

– Кусок оторвал, зараза, – хрипло пробормотал он.

– Отгрыз, – подтвердил Джерри, – мяса клоч... погоди, вызову кого-нибудь с аптечкой. Руками не трогай, а то занесешь чуму какую-нибудь. На клочке кожи висит...

– Бинт, – сказал Карага. – Бинт принеси.

В дальней камере в два голоса хохотали уличные красотки. Джерри, пробегая мимо них, с остервенением ударил дубинкой по прутьям, и все стихло.

Карага выдвинул из-за стола стул сержанта, повалился на него и тоже засмеялся. Он по-прежнему держался за лицо, кровь текла между пальцев, но уже медленнее – процесс восстановления начался. Осталось только зафиксировать повреждение и ждать.

– Прекрасный экземпляр! – радостно сказал он вернувшемуся с бинтом Джерри. – Кусается, падла! Воюет! Беру! Замотай мне рожу, будь добр...

Все было оговорено и решено в кратчайшие сроки. Почесывая нестерпимо зудящую под бинтом щеку, Карага старательно вывел на клочке бумаги пароль к банковскому счету, предназначенному для оплаты таких операций, договорился о доставке и предупредил:

– Смотри за ним внимательно, чтобы деру не дал. Не уверен я, что грузчики его удержат, если он примется им морды глотать.

– Прививку от бешенства сделай, – буркнул Джерри, впрочем, очень довольный сделкой. И не удержался от любопытства: – Что с ним дальше-то будет?

– Как всегда, – ответил Карага. – Продам. Он молодец, но слишком агрессивный. Для любителей хард-хобби самое оно, а у меня как раз такой клиент и есть.

– Удачи парню, – усмехнулся Джерри.

– Документы на него имеются?

– Пока да.

– И как его зовут?

– Сейчас посмотрим... Написано – Кеннет Барц, но сам понимаешь... регистрационного чипа у него нет.

– Ерунда. – Карага поднялся, пощупал бинт. – Спасибо, Джерри.

– Доставлю в лучшем виде, – пообещал капитан и вскоре остался в подвале один, не считая двух бездомных девиц, осознавших, что никто не собирается их покупать.

Обе они стали очень серьезными. Рыжая больше не улыбалась, брюнетка выплюнула жвачку.

– Других клиентов у тебя нет? – тихо и тревожно спросила рыжая, и Джерри отрицательно покачал головой.

– И что теперь будет?

– Сольют вас, – пояснил Джерри, устало потирая запястье. – Не надо было попадаться, дамочки. Закон есть закон, а лимит стерилизации на наш район давно превышен.

Брюнетка вдруг разрыдалась.

– А что ты думала, – спросил капитан, не глядя на нее. – Думала, наплевала на регистрацию и живи свободно? Думала, попадешь в участок – и тут тебе красный ковер, цветы и шампанское? Думала, операцию сделают, чик-чик и все готово – трахайся дальше сколько влезет? Или считала, что вас для хобби разберут и будут вам ноги миндальным маслом натирать? Сказки кончились, – подытожил Джерри. – Начинается порноистория с летальным исходом. Сержант!

Глава 2

Юга была известна слабеньким и скучным характером. Все ее действия казались смешными, старание доходило до абсурда, а покорность – до идиотизма. Ее не могли любить, потому что она не позволяла себя любить и вызывала только жалость.

Она походила на вечный насморк или слякотную серую погоду с теплым морозящим дождиком – ничего особенного, слегка неприятно, но жаловаться не на что.

Такое впечатление Юга производила на тех, кто общался с ней редко. Карага знал и другую ее сторону: нечеловеческую преданность, уникальную исполнительность и верность. Если Юга доверялась, то отбрасывала всякую критику: всучи ей Карага пакет с человеческой головой, Юга точно так же старательно доставила бы его на место, не считая нужным рассуждать. Исполнительность была ее идолом – ее попросили об услуге, и собственная жизнь после этого казалась ей дешевле, чем важность задания.

Именно поэтому Карага вручил ей пакет без опасений. Он знал, что Юга скорее умрет, чем потеряет или задержит доставку.

Он не ошибся. Юга притащила пакет туда, куда ей было сказано, но задержалась под металлической дверью, набирая код за кодом и ожидая, пока система идентифицирует посетителя. Дверь была старой и работала с перебоями. Три раза система сбрасывала старательно введенный код, пять раз зависала на фазе сканирования и в итоге распахнулась с жутким скрипом.

Юга поднималась по лестнице, робея, как всегда, перед встречей с кем-то из приближенных Кали.

Пробравшись мимо глазков суетливо жужжащих камер, она вступила в жарко натопленную залу, напоминающую смесь бара и музея. Эвил любил живопись эпохи конструкта и собрал небольшую, но ценную коллекцию. Картины башнями возвышались за его спиной. Вращаясь, они демонстрировали скопление черно-белых линий и треугольников. Долгое рассматривание наводило на зрителя панические атаки, невроты и паранойю. Конструкт отрицал ценность человеческого здравомыслия.

На переднем плане, оторванная от шипящих башенных картин, стояла перламутровая барная стойка, за которой восседал скелет бармена. Над ним в три ряда висели хрупкие бокалы. Был ли скелет декорацией, никто не знал, а Эвил не распространялся.

Он ежедневно менял скелету галстуки-бабочки. Сегодня это был желтый галстук в мелкую черную клетку.

Эвил восседал в глубоком кожаном кресле и с выражением крайнего отвращения на лице грыз сухое печенье.

У Эвила было всего два выражения: этого самого отвращения, словно он жует горсть клопов и все никак не может проглотить, и другое – обычное, крайне благотворно влияющее на женщин, потому что Эвил принадлежал к тому типу мужчин, которых охотно приглашают рекламировать кофе.

Портила его только ямка на подбородке, такая глубокая и круглая, будто кто-то ткнул пальцем и провертел дыру в еще неостывшей массе, а потом масса затвердела и стала лицом Эвила.

Этот изъян сложно было заметить, потому что первое пристальное внимание обращали на себя глаза Эвила, а точнее – их пронзительный взгляд. Эвил всегда смотрел так, будто собирался кого-то сожрать. Женщинам это нравилось.

В остальном он был менее примечателен, хотя по-особому правилен – правильной формы нос, скулы, даже уши – совершенно симметричные и аккуратные. Волосы и брови темные, глаза – еще темнее. Эвил любил солнце и загар и всегда был смуглым, словно зреющий каштан.

Юга раскрыла было рот, но из боковой двери вдруг показалась коротконогая голая девица, встала на четвереньки и быстро поползла под ноги Эвилу, а потом замерла, низко опустив голову.

Эвил поставил на ее спину блюдечко и чашку с чаем.

– Почему одна, милая леди? – спросил он. – Где Крэйт?

– В Стрелице, – пробормотала Юга и протянула газетный сверток. – Вот...

Эвил отложил одно печенье в сторону и взял другое.

– Ближе подойди.

Юга глубоко вздохнула, подошла ближе и остановилась возле живого столика Эвила. Девица почти не дышала. Крошки печенья скатились в расщелинку между ее кругленьких ягодиц.

– Найдено на месте крушения поезда Столишня – Карвардцы, – отрапортовала Юга и протянула сверток.

Эвил протянул руку и цапнул пакет, развернул его и внимательно рассмотрел и пистолет, и кусок влажной мышечной ткани.

– Это правая рука, – сказал он негромко, – вырвано отсюда.

И он показал на свое плечо.

Некоторое время было тихо. Юга молча смотрела в стену за спиной Эвила, девица-столик не шевелилась, Эвил думал.

Наконец он наклонился, вытер заляпанные соединительной жидкостью руки о свисающие груди девицы, поднялся и заходил по комнате, взвешивая пистолет на ладони.

– Это «Комар», выдается машинистам наземного и подземного транспорта, а еще – дальнобойщикам. Оружие против человека, а не против меха, но стреляли в упор – ткани оплавлены. Рана наверняка уже затянулась, и мы его так просто не найдем.

Юга стояла неподвижно и слушала. Она боялась, что ее выгонят, и нечего будет доложить Караге.

– По этому куску невозможно определить серию и номер – не сохранились ткани покрытия. Как ты думаешь, милая леди, что все это означает?

– Что мы не сможем найти меха, который был в машине машиниста, – дрожащим голосом ответила Юга.

– Верно, – согласился Эвил, положил пистолет на стол и поманил Югу жестом. Она сделала шаг вперед, старательно обогнув девицу-столик.

– Он участвовал во всех ликвидациих катастроф последнего полугода? – спросил Эвил, в упор глядя в побледневшее лицо Юги. – Ты находилась при нем неотлучно? Он не оставлял тебя в других местах? Не исчезал до крушений?

– Карага хороший человек, – твердо возразила Юга, – он не сделал бы ничего такого...

– Да разве я тебя об этом спрашиваю? – удивился Эвил. – Я спрашиваю: он по-прежнему не замечает твоей симпатии, юная леди?

– Вы спрашивали не об этом, – тихо ответила Юга, отводя глаза. – Вам его обвинить хочется и перед Кали похвастаться, что преступление раскрыли...

– Я Крэйта знаю лучше, чем ты его знаешь, – сказал Эвил, уперся ногой в беленький бок неподвижной девушки-столика и мощным толчком отпихнул ее от себя. Девушка с глухим стуком ударилась о витые стальные ножки барного стула и тихонько взвизгнула.

– Вот эту даму я купил у него, – заметил Эвил. – И на данный момент он мне подыскивает новенький, крепкий, экземпляр, поскольку эти надоели уже. Скучные.

Юга беспомощно развела руками.

– Значит, все-таки хороший? – уточнил Эвил, с интересом разглядывая Югу. – Я тебя расстрою, но Крэйт зарабатывает на хобби уже не первый год, и есть у него списочек с тремя сотнями имен и номеров. Ведет из любви к порядку.

– Они все были бездомные, – уперлась Юга. – Бездомных можно...
– Так, я понял, – поднял руку Эвил. – Можешь не продолжать. Сумасшедшая девчонка... но мне нравятся твои волосы. Из них получился бы замечательный ловец снов.
– Я могу идти? – спросила Юга, отстраняясь от его руки.
– Иди, – разрешил Эвил, глядя сквозь нее пустым, застывшим взглядом. – И держись крепче, маленькая леди. Дело такого рода, что оставшиеся в живых меха перед ним, как «Титаник» перед айсбергом. Если не успеем разобраться вовремя, всем нам придет благословенный конец.

* * *

У Караги было пять квартир, и только одна из них оформлена на реально существующее имя. Квартира числилась за неким Крэйтом Полоссом. Без вести пропавший Крэйт отличался аскетизмом и жизнь вел безрадостную: в его квартире стены были черными, полы – каменными и ледяными, мебели мало, а кровать заменяли жесткие маты, устилавшие всю спальню.

Карага ничего не стал менять, только добавил на диван пару кожаных подушек, встроил в душ массажный режим и оборудовал кладовку дверью со стальными решетками.

С помощью этих мелочей он окончательно обустроился и считал квартиру на Столишной своим настоящим домом, а остальные – временным пристанищем и чем-то вроде гостиничных номеров, и поэтому доставку заказал именно на Столишную.

По пути домой Карага завернул в магазин и купил для себя килограмм салата с тунцом и пять бутылок темного пива, а для Кеннета – пару банок тушенки. Опыт подсказывал ему, что для того, чтобы определить, кто в доме хозяин, нужно увидеть, кто что ест.

Сложно корчить из себя повелителя, жуя тушенку, а парня надо сразу же немного осадить, иначе бинтов не напасешься.

Рана на щеке уже зажила – остался лишь белый забавный полукруг, словно на Карагу наступил копытцем маленький пони. Этот след тоже должен был исчезнуть в ближайшее время, скорее всего наутро.

Ожидая доставки, Карага побрился, умял салат, а пиво трогать не стал, решив сначала спровадить Эвила, а потом уже отдохнуть с бутылочкой.

Эвил был недоучкой, которого выгнали из института, и потому репрессии он пережил. Никому в голову не пришло, что мрачноватый студент, работающий в лабораториях в стиле Йозефа Менгеле, окажется настолько талантлив, что спустя десятки лет останется единственным, кто способен обслуживать меха и их зарядные устройства.

Карага его недолюбливал за привычку совать нос не в свои дела, но считал одним из лучших своих клиентов: Эвил никогда не жадничал и деньги платил в срок при том условии, что товар отвечал всем его требованиям.

Купленный у Джерри пацан всем требованиям соответствовал и должен был принести хороший куш – Карага собирался зависить цену минимум втрое.

Сам Эвил по полицейским участкам и подворотням в поисках подходящих экземпляров не шастал, считая это ниже своего достоинства.

Пока Карага готовил камеру к прибытию жильца (постелил резиновый коврик и укрепил на железных прутьях пластиковую поилку), на улице отключили электричество.

Три часа ночи, и до сих пор ни доставки, ни реакции на странную находку... должно же произойти хоть что-нибудь, подумал Карага и открыл первую бутылку пива.

Эта мысль запустила цепочку событий: практически одновременно на лестнице появились грузчики со старательно закрытой пластиковой коробкой, напоминающей холодильник, и Эвил, оставшийся маячить за их спинами.

Карага открыл дверь.

Грузчики, матерясь, принялись таскать коробку туда-сюда по коридору, Эвил вошел с бледной улыбкой и тут же уселся в единственное кресло.

Стыковку коробки и камеры-кладовки удалось провести со второй попытки, и то только потому, что Карага поставил бутылку и взялся за дело сам. Служба доставки старательно разыгрывала сцену невероятной сложности. Несмотря на их преувеличенные старания и страдания, Карага денег выдал ровно столько, сколько полагалось, и вытолкал ругающуюся братию обратно в подъезд.

Эвил с кислым видом подошел к решетке, подергал замок и глубоко задумался.

– Пива? – спросил Карага из обычной вежливости.

– Нет, благодарю, – так же вежливо отозвался Эвил. – Дорого?

– А ты посмотри на него внимательнее.

– Да уж вижу. – Эвил постучал пальцем по решетке. – Больной какой-то...

– Устал.

– Он сдохнет, не успеешь ты глазом моргнуть, – с уверенностью сказал Эвил.

– Почему это? – насторожился Карага.

В хобби он понимал ровно столько, сколько любитель понимает в шахматах: знал основные принципы и ходы, но не вникал настолько, чтобы с первого взгляда разглядеть то, что разглядел Эвил.

Эвил считался профи среди любителей хобби, и к нему стоило прислушаться.

– Он долго не ел и не собирается, – пояснил Эвил, глядя на Кеннета, стоящего в углу кладовки в странной позе – его так вытянуло, что казалось, он повесился. – В полиции брал? Его явно уже загоняли до полусмерти.

– Я купил еду, – сообщил Карага, открывая холодильник. – Будет жрать как миленький. С чего ему не жрать?

Кеннет от еды напрочь отказался. Точнее, он не отреагировал на нее вовсе. Все так же стоял в углу и смотрел перед собой, и стал походить не только на повешенного, но и на утопленника, потому что весь посинел.

Карага беспокоился. Труп в квартире – масса возни, да и потраченных денег жалко... Эвил молча слонялся по комнате и наблюдал за мучениями Караги, а Карага изо всех сил пытался заинтересовать Кеннета едой: то выкладывал тушенку на тарелку, то перекладывал в руку и просовывал ее сквозь решетку.

– Я еще здесь, – наконец напомнил Эвил.

– погоди ты...

Эвил вздохнул.

– Попей пивка, Крэйт, – сказал он. – Так уж и быть, преподам тебе маленький урок. Удивительно, как ты умудряешься вести дела, если не имеешь ни малейшего представления об особенностях процесса.

Он отстранил Карагу, усадил его в кресло и поставил рядом бутылку пива и стакан.

– Звукоизоляция в квартире хорошая? – спросил он на всякий случай.

– Стопроцентная.

– Это хорошо.

Устроив Карагу, Эвил вернулся к решетке и сказал обычным, располагающим тоном:

– Я вытащу тебя из клетки, отрежу твою правую руку и наделаю из нее стейков, и это будет единственное, чем я буду тебя кормить, а когда они закончатся, аппетит уже разгорится, и ты будешь просить еще.

Кеннет впервые шевельнулся. Он поднял голову и посмотрел на Эвила с детским любопытством.

– Пошли, – приказал Эвил, повернул ключ в замке и распахнул решетку.

Он распластал Кеннета на полу, коленом прижал его правую руку к спине и попросил у Карага нож.

– Эй! – сказал Карага, приподнимаясь в кресле. – Ты его сейчас изувечишь, а потом покупать раздумаешь. Куда я его тогда дену?

– В мусорный бак, – отозвался Эвил. – Неважно, калеккой или нет, если выживет – заплачу.

– Никаких скидок, – проворчал Карага, протягивая Эвилу охотничий нож, подаренный ему то ли первой, то ли второй женой.

Эвил взялся за рукоятку, и Кеннет впервые подал голос: вскрикнул отчаянно.

На холодный каменный пол брызнула кровь и тут же просочилась в швы покрытия. Лицо у Эвила стало белое, совершенно белое, а глаза еще больше потемнели. Казалось, он настроился на операцию по замене сердечного клапана, а на самом деле просто перерубал плечо застывшего в шоке парня, размахивая ножом почем зря.

Полетели лохмотья, брызги и мелкие темные капельки. Карага увидел, как длинная струйка крови вопреки всем законам физики поднимается за лезвием ножа вверх, словно пытаясь на него вскарабкаться. Потом увидел, как Кеннет утыкается лицом в пол и начинает биться о него, медленно поднимая и опуская голову.

И вдобавок зазвонил телефон. Карага посмотрел на экранчик: Юга.

– Погоди, – сказал он Эвилу и схватил его за руку, чтобы тот успокоился хотя бы на минуту. – Юга? Какого хрена ты звонишь по ночам?

Некоторое время он слушал, прикусывая губу и глядя на расплывающуюся лужу крови под ногами.

– Выхожу, – коротко бросил он, за шкуру приподнял опьяневшего, шатающегося Эвила и оттащил его от парня. – Еще один поезд. Прибыл на вокзал на всей скорости, врезался в людей, разбил платформу...

– Как вовремя, – тяжело дыша, сказал Эвил. – Мы думаем, это работа маньяка.

– Да, – согласился Карага, роясь в куче вещей в поисках свитера. – И он приобретает почерк. Ему очень понравились поезда.

– Кали считает, что мы с тобой должны работать вместе.

Карага мог бы возмутиться, потому что сам так не считал, но он умел экономить время, поэтому только неопределенно мотнул головой и сухо приказал:

– Перевяжи парня и засунь обратно в клетку. У тебя есть семь минут до выхода.

Эвил тоже умел экономить время, поэтому тут же присел рядом с Кеннетом и, внимательно рассмотрев рану, принялся перевязывать ее бинтом, который тремя часами раньше Карага снял со своей головы и бросил на пол.

– Теперь точно сдохнет, – семь минут спустя сделал вывод Карага, нажимая кнопку лифта.

– Нет, – покачал головой Эвил. – У него там спицы из биоинженерной стали. Так что извини, но твой нож скорее всего затупился. Это странно, но... обнадеживает.

Карага посмотрел на него с удивлением, но быстро переключился на главное:

– Бригада Берта уже на месте происшествия. Мы с Югой будем работать, а ты поменьше попадайся на глаза.

Юга ждала в припаркованной у подъезда «Пчеле» и уже успела перебраться на заднее сиденье, освободив водительское место.

– Садись за руль, – сказал Карага Эвилу. – Гони на Белый вокзал. Юга, разряд.

Она протянула к нему руки и взялась за виски наклоненной головы. Снова вспыхнули синие огни, запахло так, словно молния ударила в мокрую землю.

Эвил даже не обернулся. Осторожно миновав темную улицу, он вывел «Пчелу» на такой же темный проспект, подсвеченный по обочинам маленькими зелеными огоньками.

По проспекту тащились две-три машины, их он обогнал, придерживаясь, впрочем, правил дорожного движения.

– Почему на «Пчеле»? – отрывисто спросил Карага, приглаживая дыбом вставшие волосы. – Где «Тереза»? Форма? Как мы будем работать, идиотка?

– Дело в том, – смешалась Юга, – что Берт нас не вызывал. Я узнала о крушении из новостей.

Карага хмыкнул, а потом задумался:

– Эвил, стой.

И Эвил тут же ударил по тормозам. «Пчела» лишь слегка качнулась и пошла было боком, но он выправил ее и подогнал к обочине.

– Вылезай и добирайся сам, – мрачно сказал Карага, – что-то идет не так, и не нужно тебя им светить.

Эвил прикинул расстояние, кивнул и полез из машины прочь. Он быстро исчез в темноте, отчасти потому, что торопился, отчасти из-за черного длинного плаща, который всегда носил вместе с белыми рубашками и выглаженными брюками.

Карага занял его место и повел машину дворами. Ему теперь казалось, что все вокруг предательски напряжено и только и ждет, чтобы обрушиться. Двадцать лет спокойной жизни полетели коту под хвост, и Карага обнаружил, что отвык от постоянного чувства настоящей опасности, а все, о чем он волновался раньше, – полнейшая ерунда по сравнению с тем, что будет дальше.

Он молчал, заново примеряя на себя шкуру вечно преследуемой жертвы, и потихоньку загорался азартом: опасность напоминала ему хороший массаж, после которого восхитительно готовы к действию и мышцы, и мозги... впрочем, это мог быть эффект от переполненных батарей.

Всплыла и мысль о брошенном дома Кеннете – если Карагу сегодня прикончат, парню тоже не жить, не выберется он из клетки, а орать бесполезно...

Белый вокзал похож был на все вокзалы, вместе взятые. Состоял он из двух зданий, и одно из них было наглухо закрыто: старый терминал, битком набитый электроникой и выводящий к сверхскоростной вертикальной линии, которую почти демонтировали. О прежнем величии Вертикали напоминал только идущий вверх голубоватый рельс, окруженный кружевной аурой, тускло светящейся в ночном небе.

Последний участок дороги то и дело пытались разобрать, но так и не смогли справиться с аурой. В старом терминале царил запустение, оттуда вынесли и уничтожили даже массажные кресла, но поговаривали, что не все так, как кажется, и на самом деле в здании все еще есть что вынести и приспособить себе на пользу.

Второе здание, новое, представляло собой образчик неоклассицизма – приземистое, с обязательной колоннадой и львами, обнимающими колонны. Внутри обычно шумела толпа, пытаясь распределиться по трем залам: в зале ожидания с ободранными секционными стульями; зоне первого класса, где подавали кофе и беспорядочно переключали каналы на огромном, но дешевом экране; и зале матери и ребенка с буфетом, в котором продавалось подогретое детское питание.

Электронное табло болталось справа от львов, и под ним обычно продавали мороженое, маслянистые пирожки в бумажных конвертиках и теплую газированную воду. За табло должны были начинаться турникеты, но их не было. Вместо них медленно оседало на землю пылевое облако, а пара спасателей в оранжевой форме деловито обтягивали облако красной полосатой лентой.

Возле спасателей метался вопящий господин в мятом летнем пальто, на него пока никто не обращал внимания.

Медики выныривали из облака и вытаскивали носилки. Фонарики на их шлемах бросали в темноту пронзительные белые лучи. Несколько «Терез» стояли поодаль, раскрытые настежь, и из них выгружали оборудование.

Машины «скорой помощи» сгрудились стайкой. Их маяки медленно вращались, рассыпая синие и голубые блики.

Казалось, по площади все еще носилось эхо – отголосок крушения. Карага разглядел поезд, вернее, его нос, плоский и весь в трещинах, будто гигантское яйцо, стукнутое об стол.

– Сюда нельзя, – остановил Карагу охранник в темной форме железнодорожника.

Карага не стал спорить. Он отошел в сторону и, пока Юга с испуганным видом озиралась вокруг, вызвал Берта по рации.

– Где ты? – с интересом спросил Берт. – Стой там. Стой там и никуда не уходи.

Охранник поглядел на Карагу с любопытством и тоже потянулся за рацией. Он отвернулся и что-то заговорил, постукивая себя по ноге сжатым кулаком.

Юга подняла голову и вздохнула:

– Как здесь раньше было красиво, наверное...

Она словно не замечала заминки, разглядывая Вертикаль, ее ауру и едва различимые пики старого вокзала.

Карага тоже посмотрел на Вертикаль, а потом перевел взгляд на охранника. Тот сделал вид, что занят укреплением временного ограждения. Аккуратно прилаженную ленту через секунду сорвал вынырнувший из тучи пыли Берт.

– Крэйт! – радостно позвал он.

Он торопился, шагал быстро и напряженно.

– Держись, – тихо сказал Карага Юге и взял ее руку в свою. – Придется побегать.

Юга кивнула и укоризненно посмотрела на Берта. Он поймал ее взгляд, моментально ощерился и сделал нетерпеливый жест. Охранник дернул оружие из кобуры и выстрелил один раз, потом два, а потом зачем-то ринулся вперед, продолжая бестолковую пальбу. Он упал через секунду, ударившись виском о край бордюра, дернулся и затих.

Еще одним выстрелом подкосило Берта – с выражением безмерного удивления на лице он осел на землю и принялся сучить ногами, словно пытался куда-то убежать. Карага тоже удивился и обернулся: к нему через площадь ровным шагом направлялся Эвил с пистолетом в вытянутой руке. Плащ он нес аккуратно свернутым, прижимая его к боку локтем.

Карага начал пятиться, стараясь прикрыть собой Эвила, который был слишком уж хорошей мишенью. Ему что-то мешало, и он не сразу сообразил, что именно.

Оказалось, он тащил за собой обмякшую Югу, крепко держа ее за руку. С ноги Юги свалилась одна туфелька, юбка задралась, обнажив белые хлопковые трусики и плоский живот.

– Возьми ее, – поспешно приказал Карага Эвилу, – возьми... черт, да у нее дыра в голове! Эвил, почини ее! На хрен меня, почини ее! Дай сюда пистолет...

Эвил молча перехватил Югу, коснувшись ее затылка и вляпавшись рукой в мягкое и горячее. Пистолет отдал Караге и быстрым шагом направился в тень старого вокзала, перекинув Югу через плечо, как дамы перекидывают пышные горжетки. Юга-горжетка жалко болталась на ходу, белая юбка осталась задранной, и Карага поймал себя на мысли, что хочет побегать следом и поправить чертову тряпку.

Заниматься подобными мелочами было некогда. Эвил уйдет – он всегда уходит, ужом проскользнет, протиснется в любую щель. Караге придется хуже.

– Приказ: стоять на месте! – прогремел вдруг искаженный динамиками шлема голос, и выступил вперед лейтенант в черно-желтой форме «Шершней» и с разрядником наперевес. Карага кинулся бежать и метнулся за ряды машин «скорой помощи». Он не попытался поки-

нуть территорию вокзала, зная, что на пустынной ночной дороге ему не скрыться, и в суматоху спасательных работ лучше не лезть – сдадут в два счета. Оставалось старое здание вокзала, а точнее – Вертикаль.

Карага видел Вертикаль в лучшие годы ее существования. Когда-то десятки панорамных лифтов сновали туда-сюда, доставляя пассажиров на воздушные площадки платформ со стеклянными перегородками, внутри которых резвились разноцветные рыбы.

Белый вокзал в свое время был символом Столишни и встречал пассажиров редкой красотой и атмосферой тропической планеты, теперь он высился молча и грозно, словно обиженный на то, что его покинули и оставили разграбленным, грязным и пустым...

Вскрабаться на Вертикаль было непросто даже Караге. Зеленоватая электромагнитная аура, двигатель поездов прошлых веков, так и не была отключена. Поначалу она еще была нужна для редких грузоперевозок, потом случился бунт против анаробной техники, и грузоперевозки перенесли на обычные железнодорожные пути, но ауру отключить уже не смогли.

Ключ к загадке ауры был утерян навсегда, вместе с тонной инженерских мозгов, слитых одновременно.

Преодолевая ее терзающее давление, Карага полез наверх. Лифты давно не работали, ближайшая кабина замерла в сотне метров от земли, и нужно было попасть именно туда.

Шум моторов возвестил о сборе «Шершней». Судя по реву, их много... машин десять, может, больше... и все они сейчас встанут на одно колено и каждый пальнет из разрядника, метаясь в болтающегося на вышке Карагу...

Потом он перестал слышать. Внутри первого кольца ауры трещало и гудело так, что в висках моментально начал колыхаться ядовитый кисель. Нестерпимо зеленое кольцо швырялось молниями, похожими на молодые елочки.

Карага обратился внутрь себя и ужаснулся показателям батареи. Он лез вверх, цепляясь за балки и перекрытия, нарочно сминая их, как масло, оставлял оплавленные отпечатки пальцев, но энергии не убывало.

Цепкие поля ауры не выпускали ни на секунду, треск стал оглушительным, поплыли какие-то звезды и лица – остатки прежних рекламных роликов. До обычного черного неба и лифтов ползти целую вечность, а «Шершни» уже палят по Караге, впрочем, достаточно осторожно, видимо, боясь обрушить Вертикаль.

Капитан «Шершней» Дюк Ледчек стоял внизу и молча смотрел на свою неуволнимую цель: меха окружали чертовы зеленые волны, из-за которых невозможно было прицелиться. К тому же никто не знал, что случится, встретиться луч разрядника с электромагнитными полями древнего двигателя, поэтому нужно было соблюдать осторожность.

Все же на пробу пальнули наугад вверх, надеясь на чудо. Труп вниз не шлепнулся, из чего можно было сделать вывод, что чуда не случилось.

Лейтенант, первым заставший меха на месте крушения, стоял рядом и явно мучился.

– Какой это меха, – бормотал он, – просто здоровый мужик. Я его знаю: он в Стрелицах постоянно бездомных закупает...

– Флетчер, – сказал Ледчек. – Вызывайте вертолеты. С верхушки он никуда не денется.

Флетчер кивнул и придвинул микрофон гарнитуры.

Некоторое время капитан размышлял, есть ли смысл отправлять несколько человек следом за меха, но передумал: это могло быть опасно для жизни, а зачем рисковать, если террорист сам загнал себя на верхотуру?

О том, что второе за сутки крушение поезда – террористический акт, капитан узнал совсем недавно и злился, потому что был из тех людей, кто каждый увиденный труп принимает на свой счет.

– Вертолеты будут через десять минут, – доложил Флетчер, поправляя шлем и щурясь на верхушку Вертикали.

– Ждем, – решил Ледчек. – Полная готовность! Никому не стрелять! Что там? Кто это? Медик? Чего? Зачем мне смотреть на трупы?

Подбежавший с докладом сержант отозвался в том духе, что незачем, но надо что-то подписать, и это решило дело.

Капитан Дюк Ледчек развернулся и зашагал к машине «скорой», откуда поступил вызов. Он чеканил шаг по вокзальной площади и одновременно думал о сотне важных вещей: когда будут вертолеты? Получится ли взять меха живым? Почему на асфальте столько крови? Кто там помирает в «скорой», требуя его немедленной подписи? Что подписать? Как сегодня заснуть? Виски или ром?

– Смотрите, – заявил фельдшер, чуть ли не силком втаскивая капитана в хорошо освещенный салон «скорой». – Это тоже меха?

На носилках лежал бледный и перепуганный господин в мятом летнем пальто. Дюк наклонил голову и оглядел господина. Тот ничем, кроме мокрых штанов, особо не выделялся.

– Где вы его взяли?

– Носился поблизости, – ответил, явно волнуясь, молодой фельдшер. – Подозрительно носился... в поезде все ранены или мертвы, а этот цел...

– Я тоже был в поезде! – заорал господин, пытаясь встать. – Я не понимаю, что происходит! Развяжите меня!

Тут капитан заметил, что господин привязан к носилкам на манер душевнобольного.

– Что делать? – с надеждой спросил фельдшер.

– Выбросить его из машины и положить сюда нуждающегося в помощи человека.

– Но...

– Я нуждаюсь в помощи! – снова завопил господин. – У меня шок.

Фельдшер и Дюк переглянулись. В глазах фельдшера читалось желание отличиться, в глазах капитана – желание сломать кому-нибудь нос.

– Вы меня зачем звали? – вскипел Дюк. – Что подписать?

– Подписать, что меха обнаружен фельдшером шестой бригады, Юном Блейси... при вашем полном содействии...

– Кретин, – бросил капитан и выпрыгнул из «скорой».

Сначала ему показалось, что случилось что-то несуразное и город накрывает цунами.

Потом он вспомнил, что никакого океана поблизости нет и быть не может, но тогда что это – огромное, темное и с зелеными всполохами несется к земле с протяжным воем, продирающим до костей?

Со страху капитану показалось, что небо рушится, что валится здание старого вокзала, вздыбливается земля и звезды катятся градом. Все было намного прозаичнее – асфальт действительно поднялся, но не так уж высоко, здание осталось на месте, а вот Вертикаль, громадная вековая стрела, качнулась, надломилась и завывала всеми своими балками, сгибаемыми пополам. Вертикаль падала долго – секунды три, и все это время капитан стоял с открытым ртом, не обращая внимания на пронзительный визг фельдшера за спиной. Потом капитана приподняло и шмякнуло на бок, посыпалась плитка, пыль поднялась стеной, и протяжный стон рухнувшей башни превратился в грохот такой силы, что разразившийся над головой гнев божий показался бы в сравнении с ним детским лепетом.

Разбитые лифты рассыпались на тысячи стеклянных кусочков, тросы опали со змеиным свистом. Вертикаль распалась на три части: отдельно лежала верхушка, отдельно основание и центральная часть. Под центральной частью оказалась погребена вся команда Ледчека – тридцать человек, знакомых ему с первого дня службы в подразделениях «Шершней», и среди них юный сержант, с мамашей которого Дюк Ледчек был знаком лично.

Капитан бегал туда-сюда в туче пыли, отдавал приказание медикам, требовал подкрепления и помощи у прибывших вертолетчиков и думал о двух вещах: об этой самой мамаше и о том, что своими руками прикончит меха, свалившего Вертикаль.

Была слабая надежда увидеть тело меха под остатками вышки, но она не оправдалась. Преступник сбежал, не оставив никаких следов, и капитан в бессильной злобе остался наблюдать за вереницей черных мешков, за тем, как из пыли появляются и исчезают уставшие спасатели, за экспертами в желтых блестящих комбинезонах.

Светало, и на улицах уже появились первые ранние пташки, а на трассах – машины. Люди далеко обходили оцепленный вокзал, останавливались и высоко поднимали руки – фотографировали. Машины притормаживали, и особый отряд, регулирующий аварийное движение, был вынужден их подгонять.

Фонари все еще мерзко горели, будто желтая сыпь на теле раненого города.

Дюк Ледчек стоял посередине вокзальной площади, разбитой и изуродованной тоннами металла, рухнувшего с невероятной высоты. Он снял шлем и держал его обеими руками.

Таким образом он пытался примириться с грудой покойников, в числе которых должен был оказаться, но не оказался.

Стоя со шлемом в руках, капитан мысленно надавал погибшим множество клятв, а потом отправился в ближайшую машину «скорой помощи» и, устроившись в изголовье какого-то бледного типа, лежащего под капельницей, спросил:

– По пути в больничку кофейни имеются?

– «Черешня», – подумав, ответил водила.

– Выгрузишь меня возле «Черешни». Поехали!

– А врач?

– Зачем тебе врач? Выглядишь здоровым... а, ты про этого?

Дюк проверил пульс бледного типа, послушал пару секунд и махнул рукой:

– Этот тоже жить будет. Поехали, командир. Кофе хочется...

– Так закрыто еще... рано.

Отчего-то это простое обстоятельство стало тяжким грузом для нервов капитана.

– Мать твою вздернуть! – заорал он. – Слить вас всех! По капле! А мне – кофе!

Перед глазами появились алые круги – предвестник разрушительной вспышки ненависти.

Еле сдерживаясь, чтобы не выстрелить в наклоненный затылок водителя, Ледчек придушенным голосом пробормотал:

– Смешно тебе? А я без повышения остался.

Водитель, напуганный его тоном, вжал голову в плечи и ничего не ответил.

И тут появился озадаченный фельдшер, посмотрел на капитана и всполошился:

– Да у вас шок, – заметил он и быстро вынул туго скатанный теплый плед и пробормотал в рацию: – Номер сто семнадцать, везу двоих, интенсивная терапия и реанимация...

– Мне терапия? – изумился капитан и еле успел ухватиться рукой за спинку сиденья: машина качнулась и начала вырывать с площади.

Движение отрезвило его. Начали вспоминаться детали: вот он стоит под вышкой, вот вышка падает... и он почему-то остается жив.

– Почему я жив? – сурово спросил он у фельдшера.

Фельдшер только рукой махнул, тут же приготовил какой-то раствор и вколол его капитану.

Глава 3

Богиня Кали квартировала в подземных ярусах заброшенной фабрики по производству биоинженерных органов.

После Великого меха-уничтожения подобных зданий осталась масса. Многомиллионные проекты, исследовательские лаборатории, фабрики, производящие бессменные печени, сердца, кишечники и желудки. Фабрики – производители анаробов; литейные заводы, специализирующиеся на биометаллах, невероятно прочных соединениях, не отторгаемых человеческой плотью.

Пластики, имитирующие человеческую кожу, ногтевые пластины, зубы. Синтетические волокна, имитирующие волосы, ресницы. Сплавы тканей и пластиков, имитирующие слизистые оболочки. Сборные гелевые составы, формирующие глазное яблоко. Тысячи тонн жидкостей, пластов, спиц, соединений.

Массовое производство, обещающее бессмертие всем и каждому. Производство, остановленное в одночасье.

Оставленные людьми заводы и фабрики пустовали долго. Их то поджигали, пытаясь совершенно стереть с лица земли, то делали центрами какого-нибудь странного культа.

Остатки продукции растащили на сувениры, лаборатории разгромили. Стены и полы цехов разрисовывались, взламывались, покрывались трещинами.

С течением времени промышленные гиганты прошлого превращались в отголоски самих себя и приелись даже любителям развалин.

Кали выбрала для поселения одну из самых древних фабрик. Ей казалось, что это место можно считать чем-то вроде родины или матери, ведь именно здесь саму Кали собрали из множества комплектующих и здесь ее мозгу дали вторую жизнь, забросив в уютную черепную коробку анароба.

Проявив такую сентиментальность, Кали заняла и обустроила два цокольных этажа, в которых прежде располагались бухгалтерия, зал совещаний и кабинеты менеджеров.

Это были маленькие комнатки, однотипные и одинаково украшенные одинаковыми безделушками.

Безделушки сохранились – на них так никто и не позарился. С прочей обстановкой поступили жестче: некоторые столы были переломлены пополам, в шкафах не доставало полок, обои содраны.

В зале совещаний секционные стулья оказались свалены в огромную кучу, словно кто-то намеревался их поджечь, но так и не решился. Висел там огромный плакат, демонстрирующий успехи фабрики, – его Кали оставила, а стулья и длинные столы, напоминающие гробы, велела выбросить. Она заменила их на низкие диванчики, низкие кресла и низкие столики, необходимые ей из-за отсутствия ног.

В залах Кали каждый ощущал себя переростком в мире лилипутов. Карага не любил здесь бывать, потому что страдал больше остальных, и вовсе отказывался садиться и принимать угощения из крошечной, точно кукольной, посуды.

Ему хватало того, что он вынужден был протискиваться в двери, наклоня голову, чтобы не царапать макушку. Вынужден был сгибаться, изворачиваться, чтобы не уронить, не задеть и не обрушить.

Ранение Юги и тяжелый хвост из рысущих по городу разведчиков «Шершней» заставили Карагу прибыть на фабрику.

Первым и самым важным обстоятельством было ранение Юги. Эвил целую ночь пытался вывести ее в рабочий режим, но так ничего и не добился, и теперь сидел по левую сторону Кали и пил чай, разбавленный холодным молоком. Чашечка Кали стояла нетронутой.

На низенькой скамеечке у стены рядышком сидели Морт и Эру. Морт – мрачный и задумчивый, его зарядное устройство Эру – сонный и безразличный. С первого взгляда казалось, что эти двое – братья-близнецы. Оба были приземистыми и квадратными, оба носили ультра-короткие стрижки и желтые полупластиковые куртки, оба двигались медленно и выглядели грозно.

И все же эта парочка ничем, кроме партнерства, не объединялась, а идея о таинственной родственной связи опровергалась азиатским разрезом глаз Эру.

Карага явился на утреннее чаепитие и застрял в узкой двери, а вся компания с интересом наблюдала за ним.

Зрелище было забавным – Карага очень старался ничего не сломать, но был слишком велик для дверных проемов Кали и мог высадить весь короб вместе с притолокой одним неловким движением. На этот раз дело ухудшалось тем, что протискивался Карага вместе с огромной спортивной сумкой и бесчувственным телом, повисшим на его левом плече.

Бросив на пол сумку и тело, Карага наконец вошел.

– Что, не нравится? – спросил он в ответ на скептический взгляд Морта. – Это мои вещи и мое капиталовложение. Больше ничего ценного дома я не нашел.

Кали приняла его благосклонно. Она сидела в глубоком кресле и улыбалась, поглаживая второй парой рук обнаженные, обрубленные колени.

Карага улыбнулся ей в ответ. Когда-то до него дошли слухи, что у этой секс-игрушки влагалище устроено так, что чем шире она раздвигает ноги, тем уже оно становится. С первого дня знакомства Карага пытался добраться до предмета слухов, но потом любопытство переросло в интерес, интерес стал глубоким, а потом превратился в симпатию, отодвинув вопрос о расположении влагалища на задний план.

Созданная для удовлетворения чувственных потребностей, Кали являлась сборной солянкой всех порноштампов. Ее оснастили полными яркими губами и большой грудью, томными глазами, густыми волосами и тонкими пальчиками на всех шести руках. Обилие рук – изюминка Кали, синеглазой богини, умеющей обласкать партнера от макушки до пяток одновременно.

Секс-кукла, у которой губы никогда не смыкались, а оставались полуоткрытыми и всегда влажными, поначалу казалась Караге весьма спорным лидером, но пока Кали не допускала ошибок, он был согласен с ее правом на принятие решений. Так уж повелось.

– Хочешь, я стану для тебя маленькой девочкой? – нежно спросила Кали, глядя на Карагу синими прозрачными глазами.

Эвил тут же поднялся, дожевал и сообщил:

– По всем каналам связи объявлено, что в катастрофах последних месяцев виноваты меха. Падение Вертикали – последний гвоздь в крышку нашего гроба, спасибо, Крэйт. На эту ночь у всех нас алиби – поезд врезался в вокзал, когда я сидел у Крэйта. Морт и Эру были на боях бездомных – их зафиксировали клубные камеры слежения. Кали вне подозрений. Алиби Юги не подтверждено, но мышечные ткани, найденные Крэйтом, принадлежат меха, а не зарядному устройству, хотя не исключено, что Юга могла помогать этому... другому.

– Юга – мое зарядное устройство, – сухо сказал Карага. – Она никому, кроме меня, не подчиняется.

– Она влюбленная дура, таких легко обмануть.

– И что? – прищурился Карага. – Это что-то доказывает?

– Нет, но проверить стоит. Благодаря террористу мы снова попали под удар и фактически потеряли Крэйта. Я не могу починить Югу.

Карага промолчал.

– У нас остались Морт и Эру, – подытожил Эвил. – Но они заняты на обслуживании Кали, это важно. Крэйт, в кратчайшие сроки нужно найти террориста. Назовем его – Другой. Найти Другого и выдать его людям, пока они не добрались до нас и тех, кто живет обычной жизнью и беззащитен без зарядного устройства. Кратчайшие сроки – это время действия твоей батареи, Крэйт. Боюсь, он будет сопротивляться. На сколько тебя хватит?

– В экономном режиме на сутки, – помедлив, ответил Карага.

– За сутки мы должны проверить всех меха, живущих в городе.

– Почему ты думаешь, что он из Столишни? – вмешался Морт. – Он мог приехать откуда угодно.

– Если он приехал откуда-то со стороны, за сутки нам его не найти, – ответил Эвил, – будем надеяться, что он местный. Морт, с разрешения Кали ты займешься информационной поддержкой. Проверь всех. У него могла поехать крыша из-за гибели жены, ребенка... любой стресс. Не взяли на работу – причина, попал в аварию – причина. Так ты сузишь нам круг подозреваемых. Начинай прямо сейчас.

Морт согласно кивнул и моментально разложил на коленях маленький ноутбук. Кали запрокинула белую прекрасную руку за голову и выдернула из волос тоненькую иголку – носитель. Эру почтительно принял иголку и передал ее Морту.

Кали поставила на стол чашечку, захватила губами трубку кальяна и сделала глубокую затяжку. Дым и вода забулькали в изумрудном стеклянном горлышке. Карага отвлекся от своих мыслей и задумчиво посмотрел на богиню.

Симпатизируя и доверяя секс-кукле, Карага не доверял приближенному к ней Эвилу. Карага считал, что услуга должна знать свое место, – Эвил его не знал. Он лез с собственным мнением, раздавал советы.

Эта грубая фамильярность выводила Карагу из себя. Ему не нравилась самостоятельность Эвила, его осведомленность в вещах, касавшихся только меха, и уверенность в том, что его обязаны слушать и принимать всерьез.

Он часто переходил черту. В такие моменты Караге хотелось дать ему пинка и отправить на прочистку мозгов. В остальное время он просто молча и терпеливо раздражался.

Кали продолжала курить кальян, осторожно затягивалась, прикрывая дрожащие ресницы.

Карага засмотрелся.

Это было красиво.

– Забирай свои вещи, – вполголоса сказал Эвил, подобравшись сзади, – и устраивайся в любой свободной комнате.

– Вещи... – Карага обернулся. – У меня только сумка и парень. Эвил, посмотри парня. У него регенерация налажена, хотя и медленная. Я пришел домой, глянул под бинт, там уже срастается... да и ты говорил – спицы какие-то. Возьми его, разберись.

Карага наклонился и поднял свою туго набитую спортивную сумку.

– Где Юга? – спросил он уже у самой двери.

Морт и Эру не отреагировали никак, Эвил тоже промолчал – он присел на корточки перед Кеннетом и принялся рассматривать его глазное яблоко, туго и больно оттянув веко. Кеннет не сопротивлялся и смахивал на мертвого.

Ответила Кали.

Она взмахнула средней парой рук, очертила одной из них красивую дугу, а верхней парой указала влево – обеими руками, жестом, похожим на часть восточного танца.

Карага кивнул и вышел, пробравшись в дверь боком и на полусогнутых ногах.

Комнату он себе подбирать не стал, сумку бросил в коридоре и сразу отправился в лабораторию Эвила, где тот и проводил большую часть времени за своими неудобными экспериментами – например, насаживанием свиной головы на плечи безголового утопленника, выловленного в каменном водоотводе Мошквы-реки.

Карага заставлял Эвила и за более странными занятиями, и хотя пару раз порывался спросить – зачем? – но так и не спросил.

Ни свиной головы, ни утопленника в лаборатории не было. Были какие-то банки с разноцветными биопластиками, сформированная на разделочной доске правая рука, распластанная по слоям. В мягком розовом биомясе поблескивали спицы меха-мышцы.

Юга лежала на другом столе, свесив ноги на пол с одной стороны, длинные волосы – с другой. Ее голова была разделана так же тщательно, как и рука на доске. Желтый пластиковый череп поблескивал под лампами. Залитый синим желе мозг тихонько подрагивал, и торчащие в нем датчики покачивались, как цветы на диковинном изрытом поле.

Дыру, пробитую пулей, Эвил обложил кусочками копирующего геля, но тот не спешил превращаться в клетки мозга, попросту затвердел и окрасился в серый.

Видно было, что Эвил старался. По тому, как была убрана в зажимы голова Юги, по ювелирности надрезов, тщательности расположения кусочков геля, было видно, что Эвил потратил уйму сил и не собирался сдаваться.

Карага глянул на почти плоскую обнаженную грудь Юги. Эвил стащил с нее одежду и бросил в ведро под столом. Карага пошарил внизу, вытащил запыленную юбку и прикрыл тело.

Юга бы не хотела валяться на столе голой, подумал он. Что вообще за дурацкая манера раздевать все, что попадает в эту лабораторию? Утопленника Эвил тоже разоблачил догола... а свинью вовсе побрил.

– Жалкое зрелище, – отметил Эвил, с грохотом раскрывая дверь и волоча за собой Кеннета.

– Мое зарядное устройство, – сказал Карага, – поверить не могу.

– Я тоже шокирован, – натягивая рыжие перчатки, признался Эвил, – накануне я предупредил ее, что дело очень серьезное и следует соблюдать осторожность, но маленькая леди меня не поняла.

– Ты – предупредил? – хмыкнул Карага.

– И не зря. Она получила предназначиванную тебе пулю.

– Мать твою перековать! – воскликнул Карага. – Какой подвиг!

– Ты сукин сын, – с удовольствием отметил Эвил.

– А она – зарядное устройство. Я не консерватор, но никогда не понимал очеловечивания подзарядок.

– Помоги поднять.

Карага взял Кеннета под плечи, Эвил – под ноги, и вместе они забросили его на второй стол.

– Умер?

– Без сознания. Я не уверен, но кажется, это меха-подражатель.

– Редкостный идиот, значит, – сказал Карага, наклоняясь над лицом Кеннета. – Только вот живыми я их ни разу не видел. Разве меха-подражательство – это не байка? Кто может такое сделать?

– Говорят, после каждой эпохи остается в живых некто, кого называют Последним Инженером, – сказал Эвил. – Он – своеобразный хранитель знаний о технологиях, от которых люди отказались. Следуя этой легенде, можно думать, что существует Инженер Мертвых и Инженер, знающий тайну Спирали. Бродили слухи, что есть Инженер меха-эпохи, но я не уверен, что это действительно так. Инженер или должен работать в уцелевших лабораториях уровня КАСС,

или продать душу Мертвым. В любом случае ему нужно быть высококлассным специалистом. А здесь... посмотри – регенерация налажена кое-как, это высокоуровневая операция, дома на диване не сделаешь, но настолько явную халтуру я бы тоже не принял. Вдобавок о нем ничего не слышно и результатов деятельности никаких. Если бы Инженер существовал, он мог бы возродить меха, создать новых, крепких и сильных, обеспечить их зарядными устройствами, а дальше...

– Что дальше?

– Я еще не придумал, – ответил Эвил.

Он наклонился и вытащил из-под стола ремни-крепления, которыми тут же обвязал и зафиксировал Кеннета.

– Крэйт, – сказал Эвил. В голосе прозвучали просительные нотки. – Я хочу перекинуть Югу в анаробное тело. Это будет просто эксперимент, никаких гарантий я не дам. Теоретически переселение возможно, тело я подберу, но на практике могут возникнуть проблемы, поэтому мне нужно твое разрешение. Позволишь?

Карага молчал.

– Получится что-то вроде Кали, но намного лучше, – поспешил объяснить Эвил. – Она сохранит способность видеть, слышать и понимать. Кали ограничена набором стандартных фраз, а в Югу я впишу речевой модуль с большим лексиконом. Кали не умеет ходить, а Юге я сохраню ноги и воспроизведу механизм ходьбы. Это не самый лучший вариант, но лучше, чем смерть.

– Знаешь, зачем Кали держит тебя при себе? – спросил Карага. – Затем, чтобы контролировать. Эти эксперименты запрещены, Эвил, и ты сам знаешь почему. Я первый должен бы возмущаться, потому что не получу теперь зарядного устройства. Я не гуманист, но знаю, что такие реконструкции нельзя проводить даже на бездомных.

– Я биоинженер, – холодно ответил Эвил, – биоинженер, а не священник. Мне нужна практика.

– Обойдись теорией, – посоветовал Карага, в последний раз глянул на Югу и вышел. В голову пришла идея соорудить ей похоронную церемонию. Все это промелькнуло быстро и быстро же показалось абсурдным. С почестями закапывать зарядное устройство – бред. Сломать или потерять свое зарядное устройство – трагедия, но не настолько же, чтобы сходить с ума.

Карага представил себе вечное тусклое существование и побелел. Нет уж, к черту. К черту все атрибуты спокойной жизни. Плавали, знаем. От безвыходности все это делается: собаке делать не хер, так она яйца лижет, а когда человеку делать не хер – он женится.

Были времена, когда Караге было не хер делать, и оба раза он женился. В первый раз женился от романтического юношеского настроения. Девушка ему попала такая, навевающая романтику, даже имя у нее было романтическое и нежное: то ли Амелия, то ли Роза... что-то, связанное с цветами.

Двадцатилетний Карага таскался за Розой по полям и лугам, любовался васильками, кидался осенней листвой, лепил снежки, рассматривал звездное небо, умилялся букашкам и занимался прочей ерундой. Ему было не сложно, а Розе нравилось. Ей нравилось, что мужчина чутко воспринимает мир и ценит жизнь, несмотря на свой род занятий и неприятную, с точки зрения пацифиста, профессию.

Втайне от Караги Роза лелеяла мечту, так или иначе известную всем женщинам с высоким уровнем жертвенности и низким – интеллекта. Она мечтала переделать Карагу, спасти его от самого себя и получить искреннюю и восхищенную благодарность.

Карага должен был выкинуть автомат, обрядиться в белые хламиды и отправиться на площадь с плакатом «Мир хочет остаться зеленым!», но вместо этого принялся активно гото-

виться к реконструкции в лабораториях КАСС – его тренированное тело идеально подходило под параметры силовой армс-модели.

Роза прекратила любоваться цветочками и принялась скандалить. В ход пошли аргументы, которые впоследствии перевернули мир: Бог создал нас людьми, и мы должны оставаться людьми, дорогой. Бессмертие – противоестественный, богохульный процесс, нарушающий все планы мироздания. Ты хочешь превратиться в бесчувственную железяку? Никто не знает, где хранится твоя душа! Ты уверен, что после переработки останешься человеком?

И коронное, личное: мне будет неприятно жить рядом с механизмом! Я не смогу тебя любить! Неужели тебе все равно?

На этом этапе Карага был вынужден признать, что да, ему все равно, потому что перспективы открывались великолепные, и возможность и невозможность Розы его любить не шла с ними ни в какое сравнение.

Развелись поспешно. Карага не помнил подробностей, потому что был занят совершенно другим.

Второй раз он женился на женщине, которая знала, что он меха, и не собиралась за это осуждать.

Возвращаясь в своих воспоминаниях назад, Карага отмечал, как много было их, желающих осудить...

Звали ее Донна. Аристократка с вечно презрительной миной и нацепленными на нос очками в черепаховой оправе. В ней не было ничего сексуального, выставленного напоказ, и даже раздетой она выглядела сухо и по-профессорски поучительно. Карага стал безумием ее жизни: вырвавшись из круга академиков и теоретиков, тоже сплошь очкариков и любителей менять галстуки по три раза на дню, Донна кинулась к парню с минимальным набором моральных принципов и без какой-либо философии.

Философы того времени представляли собой две группы, два вида: те, кто признавал за меха-развитием человечества будущее, и те, кто тянул человечество назад, требуя возвратиться к истокам.

Карага не был ни тем ни другим, он был армс-меха. Донна часто приглашала его в гостиные, где господа философы пытались задавать Караге вопросы о смысле его бытия. Донну развлекали такие разговоры и легкие партии диалогов, которые Карага разыгрывал с ее университетскими приятелями: в конце концов смысл развития человечества всем уже надоел, а вот армейские байки были внове.

Этот брак продержался дольше и был браком дружеским – Карага уважал и ценил Донну, Донна уважала и ценила его, но в конце концов различия между ними дали о себе знать, и Донна ушла к блестящему философу-теоретику Максиму Байлю, прославившемуся своим «Трактатом о сути бесконечных изменений».

Карага немного пострадал – по большей части от скуки, и раз и навсегда зарекся связывать себя брачными узами и прочими видами уз.

Приобретенная привычка испытывать неприязнь к тем, кто был ему близок, помогла ему легче перенести потерю зарядного устройства. Ему было неприятно осознавать, что Юга окончательно погибла, но не было больно, как если бы разрывалась живая, словно нерв, нить близкой связи, и все-таки его привязанности хватило на то, чтобы защитить Югу от экспериментов Эвила.

Глава 4

«Трактат о сути бесконечных изменений» в великолепном переплете, кожаном и с золотым тиснением, был настольной книгой Джона Доу. Трактат лежал на самом видном месте, его окружали статьи и вырезки, маленькие брошюры и книжечки: «Меха-пропаганда», «О тайной сущности меха», «Религия и меха», «Дышать или жить?».

Последнюю книжечку Джон вынул из стопки и раскрыл на середине: «...и принимая за необходимость поддерживать в живом организме процесс дыхания и сердцебиения и почитая их за жизнь, совершено было первое и страшнейшее преступление против человечества, поскольку это уничтожило саму значимость духовного и нравственного наполнения личности, искры...»

Книжка захлопнулась, Джон отложил томик и тонкими сухими пальцами подобрал со стола газетную вырезку.

«Человек создан по образу и подобию Бога нашего и имеет внутри себя искру Его, а изменяя свое естество и заменяя его механизмами, превращается в дьявольскую поделку, лишаясь и искры, и любви Отца нашего...»

В десять часов утра пошел дождь. К этому времени Джон внимательнейшим образом прочитал все заметки и подчеркнутые в книгах абзацы и успел ознакомиться со свежими новостями: на площадь Белого вокзала люди намереваются явиться со свечами и цветами, а погибшим при крушении Вертикали «Шершням» установят памятный камень.

Вертикаль пала под мощным натиском меха-террориста, он же предположительно является причиной ряда катастроф, произошедших в последние три месяца.

На юге города, в Карлицах, был избит молодой человек. Он получил травмы, несовместимые с жизнью, и скончался два часа назад. Подозреваемые задержаны, известно, что мотивом для убийства стало расхождение во взглядах на меха-вопрос.

«Он признался, что не видит в меха ничего плохого, – прокомментировал один из задержанных. – Мы просто заступились за погибших в катастрофах людей».

С огромным интересом Джон выслушал диалог эксперта в области утерянных технологий, господина Пека, и маленькой журналистки, задававшей уйму вопросов. Маленькая журналистка торопилась:

– Какую оценку вы можете дать действиям меха-террориста? Кем он может быть? Какие цели он преследует?

Господин Пек, пожилой мужчина с розовым лицом и скудной козлиной бородкой, отвечал неспешно, наслаждаясь своей значимостью:

– Ну он... явно из военных моделей. Скорее всего модель тяжелого пехотинца – их конфигурация позволяла совершать подобные разрушения и разламывать поезда, бронетехнику и прочие... незыблемости.

– Мы узнаем его на улице, если увидим? Сможем понять, что это меха, а не человек?

Эксперт смешался и подергал себя за бородку.

– Знаете, – осторожно начал он, – я бы не стал говорить о внешних особенностях и различиях.

– Почему?

Джон наклонил голову. Журналистка ему не нравилась.

– Потому что, – сказал эксперт, – потому что стоит мне дать описание, как погибнут тысячи невинных людей, имеющих несчастье отличаться теми же признаками. Их просто разорвут на улицах.

– И все-таки? – настаивала журналистка. – Они большие? Высокие? Из них торчат провода?

Эксперт был в смятении. Журналистка, ожидая ответа, переступала с ноги на ногу.

– У них зеленая кожа, – подсказал Джон эксперту.

Тот, отделенный от Джона экраном и десятками километров, подсказки, конечно, услышать не мог, и ответил иначе:

– Между меха и людьми никогда не было мира, – осторожно начал он, – но после Великого меха-уничтожения установился хрупкий, но нейтралитет, и я бы хотел, чтобы он оставался и впредь, и пока нет официального обвинения меха-террористу, я не хочу делать скоропалительных выводов. Я даже не уверен, что армс-меха все еще существуют, потому что они были первейшей целью уничтожения. Также известно, что меха не могут существовать без партнера – зарядного устройства, а у существа, за которым охотились «Шершни», никакого партнера не было. Это мог быть просто запуганный человек, не сумевший объяснить свое присутствие на вокзале.

– А Вертикаль упала сама?

– Ей много лет.

Журналистка потеряла к эксперту всякий интерес и кинулась вдруг к другому человеку. Этот человек только что вылез из машины, остановившейся у площади Белого вокзала. На нем была черная с желтым форма, а в руке зажат ремешок болтающегося шлема.

– Подождите! – закричала журналистка, а камера запрыгала за ней. – Вы?.. пару слов!

Она нагнала его и сунула микрофон в лицо.

– Пару слов, капитан Ледчек. Что вы почувствовали, узнав о гибели ваших товарищей?

Дюк Ледчек хмуро глянул в камеру, потом посмотрел на макушку маленькой журналистки, сплюнул в сторону и побрел прочь.

Джон выключил телевизор, отбросил от себя плед и диванную подушку, с помощью которых пытался уснуть. Плед упал на замусоренный пол.

Почему Белый вокзал? Наверное, потому, что поезда заполнены людьми, а не бездомными.

Сейчас безопаснее всего в Варварцах, Копейне, Стрелице – сплошь промышленных районов, лишившихся своего назначения и ставших прибежищем огромного количества бездомных. Пустынное метро под огромными ангарами, кирпичными заборами, бетонными коробками складов и гигантскими многокорпусными заводскими зданиями. Жилые дома – жалкие коробочки, заполненные мразью, дрянью и рванью. Прежде домишки были заселены рабочими, но часть их погибла во время бунтов, а другая часть убралась с глаз подальше и постаралась забыть о своей профессии.

Было когда-то жаркое времечко, когда признание себя рабочим завода равнялось самоубийству, и неважно, что производилось на том заводе: ткани, игрушки или вышитые абажуры для ламп.

Производство поработило человечество, и потому Производство было остановлено и догнивало теперь в развалинах, воняющих мочой и сырой цементной пылью.

Джон одевался медленно. Долго и старательно натягивал черную водолазку, выглаженные брюки. Нацепил узковатый в плечах бархатный зеленый пиджак и повязал шейный платочек.

Инструменты хранились в потертом, но очень благородном чемоданчике искусственной кожи. Раньше был другой чемоданчик, крокодиловой кожи, и он был намного удобнее, но сильно смущал клиентов, большинство из которых являлись яркими борцами за чистоту и нетронутость окружающей среды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.